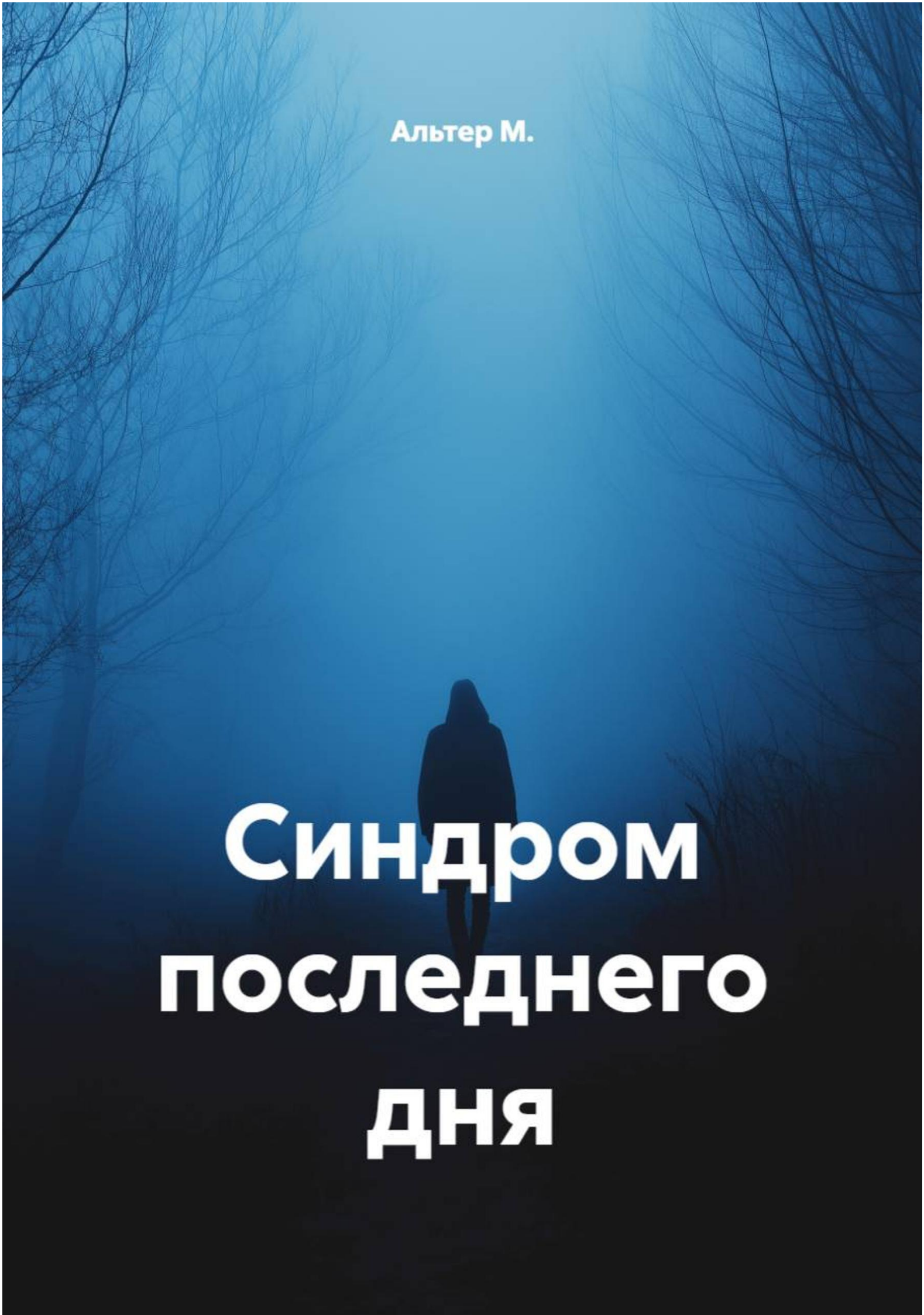

Альтер М.
Синдром последнего дня

Альтер М.

Синдром последнего дня

«Автор»
2026

М. А.

Синдром последнего дня / А. М. — «Автор», 2026

Психологический триллер о человеке, который каждый день просыпается в новой реальности и помнит только последние 24 часа. Андрей живёт по чужим правилам: дневник, написанный его рукой, советует не верить никому — даже самому себе. Доктор говорит, что это редкий синдром, но записи в тетради утверждают: «Ты — убийца». А в вентиляции Андрей находит нож с бурыми пятнами на ручке. У него есть один день, чтобы выяснить, кто он на самом деле, что случилось с пропавшей женой — и кто из них двоих не выйдет из этой комнаты. Напряжённая история о памяти, лжи и цене правды.

© М. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пробуждение 5
Глава 2. Гости в полночь 15
Глава 3. Выбор у чёрной машины 22
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Альтер М.
Синдром последнего дня

Глава 1. Пробуждение

Первое, что он почувствовал, — это запах. Не резкий, не неприятный, но настойчивый, как будто кто-то оставил на тумбочке букет засушенных цветов и забыл о нём на несколько недель. Запах пыли, смешанной с чем-то сладковатым, почти лекарственным. Андрей открыл глаза и уставился в белый потолок с длинной трещиной, изогнутой, как вопросительный знак. Трещина была ему незнакома. Он лежал неподвижно, пытаясь вспомнить, где находится, но память услужливо подсовывала только обрывки: вчера был дождь, он стоял на остановке, ждал автобус, потом… потом всё обрывалось, как плёнка, которую кто-то резко выдернул из проектора.

Он повернул голову. Комната была небольшой, с серыми обоями в мелкий ромб, с поцарапанным паркетом и окном, за которым виднелась стена соседнего дома — кирпичная, с двумя забитыми фанерой окнами. На тумбочке стояла бутылка воды без этикетки, будильник с треснувшим стеклом и толстая тетрадь в кожаной обложке. Тетрадь выглядела старой, потрёпанной, но страницы были белыми, чистыми, как будто её только что купили и сразу же испачкали обложку. Андрей сел на кровати, чувствуя, как под ним скрипнули пружины. Голова была тяжёлой, во рту пересохло. Он потянулся к бутылке, сделал несколько глотков и только потом заметил на тетради записку, приклеенную кусочком скотча. На листке его почерком — он узнал бы эти прыгающие буквы, эту привычку загибать верхнюю петлю у «в» — было написано: «Прочитай меня. Сначала. Потом делай что угодно».

Андрей нахмурился. Он не помнил, чтобы писал эту записку. Он вообще не помнил эту комнату. Но почерк был его. Он открыл тетрадь. Первая страница была исписана тем же почерком, только более аккуратным, словно он старался выводить буквы ровно.

«Если ты это читаешь, значит, ты снова проснулся и ничего не помнишь. Не паникуй. Ты помнишь только последние двадцать четыре часа. Это не шутка и не сон. Каждый день ты просыпаешься в новом месте, в новой реальности, и помнишь только то, что случилось за последние сутки. Всё, что было раньше, стирается. Как только ты засыпаешь, память обнуляется. Ты ведёшь этот дневник, чтобы не сойти с ума. Читай его. Каждое утро. Сначала — эту страницу, потом — последние записи. Не пропускай ни строчки. И главное: не верь никому. Даже мне. Особенно мне».

Андрей оторвал взгляд от страницы. Сердце билось чаще. Он огляделся по сторонам, словно искал подтверждение, что это розыгрыш, что кто-то решил подшутить над ним. Но комната была пуста, только шкаф в углу, стул с продавленным сиденьем и дверь, обитая дерматином. Он перевернул страницу. Дальше шли записи, датированные разными числами, и все они были написаны его рукой. Он узнавал себя в интонациях, в коротких, рубленых фразах, в привычке ставить многоточия там, где не хватало слов.

«12 апреля. Проснулся в квартире с видом на реку. В дневнике написано, что вчера я был в библиотеке. Не помню. Читал записи. Кажется, я схожу с ума. Но дневник — единственное, что связывает меня с прошлым. Врач сказал, что это редкий синдром. Название не запомнил. Записал только: принимать таблетки в девять утра. Нашёл в кармане пузырёк. Выпил. Ничего не изменилось».

«13 апреля. Сегодня всё по-другому. Проснулся в комнате без окон. Стены бетонные. Дневник лежал на полу. Вчерашняя запись про реку и библиотеку — чушь. В этом дневнике вообще много странного. Такое ощущение, что я пишу разными почерками. Или это не я? Врач

говорит, что это нормально, что реальность нестабильна, что я должен держаться за дневник. Но я не помню врача. В дневнике написано, что его зовут доктор Верховцев. Записал. Завтра проверю».

Андрей листал страницы. Записи были короткими, но в них чувствовалась нарастающая тревога. Он писал о том, что вещи в комнате меняются, что часы иногда идут назад, что за окном иногда видна не улица, а бесконечное поле с чёрными птицами. Он писал о таблетках, которые принимал каждое утро, но не чувствовал эффекта. Он писал о странных звонках на телефон, который каждый раз оказывался новым, незнакомым. И всё время повторял: «Не верь никому. Даже врачу».

Андрей отложил тетрадь и посмотрел на свои руки. Они были худыми, с длинными пальцами и обкусанными ногтями. На левом запястье — тонкий белый шрам, почти заживший. Он не помнил, откуда он. Он вообще ничего не помнил. Только вчерашний день: дождь, остановка, автобус. А потом — эта комната. Он посмотрел на будильник. Семь утра. За окном всё ещё было серо, как будто рассвет не мог пробиться сквозь плотные облака. Он встал, подошёл к окну. Стена соседнего дома была совсем близко — можно было дотронуться, если открыть створку. На кирпичах кто-то нарисовал мелом кривой крест. Андрей провёл рукой по стеклу. Оно было холодным. Он вздрогнул.

В дверь постучали. Три коротких удара, потом пауза, потом ещё один. Андрей замер. Он не знал, кто это мог быть. В дневнике ничего не было сказано о гостях. Он подошёл к двери, но не открыл. Спросил хрипло:

— Кто там?

— Это я, Андрей. Доктор Верховцев. Открой, пожалуйста.

Голос был мягкий, спокойный, с лёгкой хрипотцой. Андрей вспомнил: в дневнике упоминался доктор Верховцев. Но там же было написано: «Не верь никому». Он колебался. Стук повторился.

— Андрей, я знаю, что ты не помнишь меня. Это нормально. Открой, я объясню. У меня твои лекарства.

Лекарства. В дневнике было написано, что он принимает таблетки. Может быть, этот человек действительно врач. Андрей повернул ключ в замке — тот щёлкнул неохотно, как будто сопротивлялся. Дверь открылась. На пороге стоял мужчина лет пятидесяти, в сером пальто и круглых очках. У него было добродушное лицо с крупным носом и седой бородкой. В руке он держал небольшой бумажный пакет.

— Доброе утро, — сказал он, улыбаясь. — Как спалось?

Андрей отступил на шаг, пропуская его в комнату. Доктор вошёл, огляделся, поставил пакет на стол.

— Ты, как всегда, насторожен. Это хорошо. Значит, инстинкты работают. — Он повернулся к Андрею. — Ты читал дневник?

— Читал, — ответил Андрей. — Там написано, что я должен никому не верить. Даже вам.

Доктор кивнул, как будто ждал этого.

— Правильно. И это очень мудро. Но давай разберёмся. Ты помнишь, что было вчера?

Андрей попытался сосредоточиться. Вчера. Дождь. Остановка. Автобус. Он ехал куда-то. Потом — темнота. Он помотал головой.

— Почти ничего. Только обрывки.

— Это подтверждает диагноз, — сказал доктор, садясь на стул. — У тебя редкое состояние, которое мы называем «синдром последнего дня». Каждое утро твоя память очищается. Ты помнишь только последние двадцать четыре часа. Это как если бы ты жил в фильме, который каждый день начинается заново. Ты ведёшь дневник, чтобы сохранить хоть какую-то связь с реальностью. Но реальность… она тоже нестабильна. Ты заметил, что комната каждый день разная?

Андрей кивнул.

— Это часть синдрома. Твой мозг не может удержать картинку мира, и она меняется. Но это не опасно. Главное — принимать лекарства. Они помогают замедлить процесс. — Доктор достал из пакета пластиковый пузырёк с белыми таблетками. — Вот. Одна утром, одна вечером. Запивай водой.

Андрей взял пузырёк. Он был холодным. На этикетке — его имя, дозировка. Всё как положено. Но что-то царапало изнутри. Он посмотрел на доктора.

— Почему в дневнике написано, что я — убийца?

Доктор замер. Улыбка сползла с его лица, но он быстро взял себя в руки.

— Что ты имеешь в виду?

Андрей открыл тетрадь на последней странице. Там, в самом низу, была запись, сделанная крупными буквами, почти каллиграфически, но всё тем же его почерком. «Не верь никому. Ты — убийца». Он показал доктору.

— Вот. Я не помню, когда это написал. Но это мой почерк.

Доктор внимательно посмотрел на страницу. Потом вздохнул.

— Андрей, это могли написать в состоянии психоза. Ты иногда пишешь странные вещи. Это часть болезни. Не воспринимай это буквально.

— А если это правда? — тихо спросил Андрей. — Если я действительно кого-то убил?

Доктор покачал головой.

— Ты не убийца. Ты больной человек, которому нужна помощь. Я твой врач. Я здесь, чтобы помочь тебе. — Он встал. — Прими таблетку. И постарайся не думать о плохом. Я зайду вечером.

Он направился к двери. Андрей смотрел ему в спину.

— Доктор, — окликнул он. — А что было вчера? Где я был?

Доктор обернулся. В его глазах мелькнуло что-то — может быть, жалость, а может быть, страх.

— Вчера ты был здесь. Ты почти не выходишь из комнаты. Это безопаснее. — Он вышел и закрыл за собой дверь.

Андрей остался один. Он посмотрел на пузырёк с таблетками. Потом на дневник. Потом на окно, за которым стена соседнего дома казалась ещё более далёкой, чем минуту назад. Он не знал, верить ли доктору. В дневнике было написано: «Не верь никому». Но кто, если не врач, мог объяснить ему, что происходит? Андрей сел на кровать и начал писать. Он записал дату, время, всё, что помнил о сегодняшнем утре, о докторе, о странной записи. Потом перечитал. Почерк был ровным, но в конце фразы «ты — убийца» буквы дрожали.

Он закрыл тетрадь и лёг. Голова гудела. Он думал о том, что через двадцать четыре часа он забудет этот день. Забудет доктора, забудет страх, забудет эту комнату. И снова проснётся в неизвестности. Но дневник останется. И запись останется. Он должен выяснить правду. Даже если для этого придётся нарушить правило «не верь никому». Особенно себе.

Он встал и подошёл к шкафу. Внутри висела куртка, джинсы, свитер. В кармане куртки он нашёл сложенный вчетверо лист бумаги. Развернул. Это была фотография. На ней — он, Андрей, улыбающийся, с женщиной, которая держала за руку маленькую девочку. Женщина была красивой, с длинными тёмными волосами. Девочка смеялась. На обороте фотографии его почерком было написано: «Они мертвы. Ты не должен забывать». Андрей выронил фотографию. Руки задрожали. Он не помнил ни женщину, ни девочку. Но слова жгли. «Они мертвы». Кто они? И почему он не должен забывать?

Он снова открыл дневник. На первой странице, под инструкцией, была ещё одна строчка, которую он сначала не заметил, потому что она была написана очень мелко, почти неразборчиво: «Если найдёшь фотографию — сожги её. Это ложь». Андрей посмотрел на фотографию, лежащую на полу. Потом на дневник. Одна запись говорила: «Ты — убийца». Другая: «Это

ложь». Он не знал, чему верить. Но он знал, что у него есть двадцать четыре часа, чтобы это выяснить. И он не собирался тратить их на таблетки.

Он оделся, сунул дневник за пазуху и вышел из комнаты. Коридор был длинным, с тусклыми лампами на потолке. Пахло сыростью. Где-то капала вода. Андрей пошёл наугад, стараясь запоминать дорогу. Он не знал, куда идёт, но чувствовал, что должен найти ответы. Даже если завтра он всё забудет. Даже если этот день — последний.Коридор тянулся дальше, чем казалось из комнаты. Стены здесь были выкрашены в бледно-зелёный цвет, местами облупившийся, и Андрей заметил, что под слоем краски проступают какие-то надписи — словно кто-то писал на стенах, а потом пытался замазать. Он остановился, присмотрелся. Буквы были мелкими, торопливыми, но разобрать можно было: «Он лжёт». И чуть ниже, другими чернилами, более размашисто: «Не глотай». Андрей провёл пальцем по шершавой поверхности. Краска была сухой, старой. Эти надписи появились здесь не сегодня. Но кто их оставил? Неужели он сам, в один из прошлых дней, о которых ничего не помнит?

Он пошёл дальше. Через несколько шагов коридор раздвоился. Прямо — ещё один отрезок с двумя дверями по бокам, налево — лестница, уходящая вниз, в темноту. Андрей прислушался. Снизу доносился слабый шум: капала вода, и ещё что-то, похожее на тихое бормотание. Он спустился на несколько ступеней. Лестница была каменной, холодной, и каждый шаг отдавался эхом. Внизу оказался подвал — низкий, с бетонным полом и трубами под потолком. В углу стоял старый продавленный диван, рядом — стол с разбросанными бумагами. Над столом висела голая лампочка, которая мигала, как будто собиралась перегореть.

Андрей подошёл к столу. На нём лежали листы, исписанные его почерком. Он взял верхний. «18 апреля. Доктор Верховцев приходил дважды. Первый раз — утром, дал таблетки. Второй — вечером, без предупреждения. Сказал, что проверяет, как я себя чувствую. Но я заметил, что он смотрел не на меня, а на дневник. Он хочет его забрать. Я спрятал тетрадь под матрас. Ночью не спал. Слушал. В коридоре кто-то ходил. Не один раз. Я не открыл. Утром проснулся в другой комнате — с окном на помойку. Дневник был на полу. Кто-то его читал. Страницы загнуты. Я никогда не загибаю страницы».

Следующий лист: «19 апреля. Сегодня я нашёл в кармане ключ. Маленький, латунный. Не помню, от чего он. Попробовал открыть дверь в конце коридора — не подошёл. Может, от почтового ящика? Или от шкафа, которого больше нет. Записал в дневник, но дневник сегодня утром был другой. Обложка та же, а страницы — новые, чистые. Как будто кто-то вырвал всё, что я написал, и вставил пустые. Я начинаю бояться не только внешнего мира, но и самого дневника. Что если это не я его веду? Что если кто-то пишет за меня?»

Андрей перевернул лист. На обороте была приписка, сделанная другим почерком — более angular, с сильным нажимом: «Ты не сумасшедший. Ты просто забываешь. Но есть вещи, которые забывать нельзя. Найди красную папку. Она в комнате, где ты спал. Под половицей у окна. Не показывай её врачу».

Андрей нахмурился. Красная папка. Он не видел никакой папки. Но он не осматривал комнату как следует. Может быть, под половицей действительно что-то есть. Он быстро поднялся по лестнице, вернулся в коридор и прошёл обратно в комнату. Дверь была приоткрыта — он сам её не закрыл. Внутри всё было по-прежнему: бутылка воды, будильник, тетрадь на тумбочке. Он подошёл к окну, присел на корточки. Половицы были старыми, скрипучими. Он нажал на одну — она поддалась. Под ней было пусто, только пыль и дохлый паук. Вторая половица тоже не поддалась. Третья, у самого края, оказалась неплотно пригнана. Андрей поддел её ногтем, потом взял со стола ложку и подковырнул. Доска отошла с сухим треском. Под ней, в узкой щели, лежала тонкая красная папка.

Он вытащил её. Папка была лёгкой, потрёпанной, с загнутыми уголками. Внутри — несколько листов, отпечатанных на машинке, и фотография, та самая, которую он уже видел: женщина с девочкой. Но на этой фотографии лицо женщины было обведено красным кружком,

а внизу стояла подпись: «Она жива. Он тебе врёт». Андрей перевернул фотографию. На обороте — адрес: «ул. Лесная, 14, кв. 3». И ещё одна строчка: «Спроси у доктора, где его жена».

Он сел на пол, прислонившись спиной к стене. В голове всё путалось. Женщина на фотографии — его жена? Или просто знакомая? Почему доктор должен знать о ней? И что значит «она жива»? В дневнике было написано: «Они мертвы». А здесь — «она жива». Противоречие. Одно из двух — ложь. Или оба. Андрей вспомнил запись на стене: «Он лжёт». Может быть, это про доктора. Может быть, доктор Верховцев — не тот, за кого себя выдаёт.

Он открыл папку дальше. Там были вырезки из газет. Одна из них, пожелтевшая, с датой трёхлетней давности: «В городе пропала женщина. Елена Соколова, 34 года, ушла из дома и не вернулась. Полиция просит откликнуться свидетелей». На фотографии в газете — та же женщина, что и на снимке. Елена Соколова. Андрей прочитал текст. Муж пропавшей, Андрей Соколов, заявил, что жена ушла вечером и не вернулась. Полиция отрабатывает версию убийства. Подозреваемый — сам муж, но улик нет.

Андрей отложил вырезку. Руки дрожали. Значит, он — Андрей Соколов. И его жена пропала. И его подозревали. А теперь он просыпается каждый день в новой реальности и ничего не помнит. Может быть, это не болезнь. Может быть, это кто-то сделал с ним. Или он сам сделал с собой. Чтобы забыть. Чтобы не помнить, что он убил её. Или чтобы не помнить, что её убили другие, а он не смог защитить. В папке была ещё одна бумага — направление в клинику, подписанное доктором Верховцевым. Диагноз: «Диссоциативная амнезия с элементами бреда». Рекомендовано: «Изоляция, медикаментозная терапия, наблюдение». И приписка от руки: «Пациент опасен для себя и окружающих. Не оставлять без присмотра».

Андрей скомкал направление. Он не чувствовал себя опасным. Он чувствовал себя загнанным в угол. Он посмотрел на пузырёк с таблетками, который оставил доктор. Белые, круглые, без запаха. Что если это не лекарство? Что если это то, что стирает память? Он вспомнил надпись на стене: «Не глотай». Может быть, это писал он сам — в один из тех дней, когда сумел понять, что происходит. Может быть, доктор не лечит его, а наоборот — поддерживает болезнь, чтобы держать его под контролем. Но зачем?

Он снова открыл дневник. На последней странице, под записью «Ты — убийца», было ещё несколько строк, которые он не заметил раньше. Они были написаны очень мелко, почти неразборчиво, как будто рука дрожала: «Если я не найду ответ до заката, я убью его. У меня есть нож. Он в вентиляции. Я не хочу убивать, но иначе он убьёт меня. Он уже убил её. Я помню её глаза. Она смотрела на меня и просила помощи. А он стоял рядом и улыбался. Я должен успеть».

Андрей закрыл тетрадь. В горле пересохло. Он посмотрел на вентиляционную решётку над дверью. Она была прикручена шурупами, но один шуруп отсутствовал. Он подставил стул, забрался на него и потянул решётку. Она поддалась. Внутри, в пыльном металлическом коробе, лежал кухонный нож с деревянной ручкой. Лезвие было чистым, но на ручке виднелись бурые пятна. Андрей взял нож. Он был тяжёлым, удобным. Он не помнил, как положил его сюда. Но он знал, что это его нож. И он знал, что через несколько часов, когда стемнеет, он должен будет решить: использовать его или нет.

Он спрятал нож за пояс, прикрыл курткой. Потом сел на кровать и стал думать. Доктор Верховцев придёт вечером. Он придёт один, как обычно. Он откроет дверь, улыбнётся, спросит, как дела. И в этот момент Андрей должен будет выбрать: ударить или нет. Убить или нет. Стереть себя окончательно — или попытаться вырваться. Но куда вырваться? В мир, где каждый день всё меняется? В мир, где он не помнит ни зла, ни добра? Может быть, смерть доктора — это единственный способ остановить этот кошмар. Или наоборот — единственный способ сделать его вечным.

Он подошёл к окну. Стена соседнего дома была всё так же близко. Но теперь в одном из забитых фанерой окон виднелась щель. И в этой щели кто-то стоял. Андрей пригляделся. Это

была женщина. Та самая. Елена. Она смотрела прямо на него. Её губы шевелились, но он не слышал слов. Она подняла руку и показала на дверь его комнаты, потом провела пальцем по горлу. Андрей отшатнулся. Он моргнул. Женщина исчезла. Окно снова было пустым, забитым фанерой. Но он готов был поклясться, что видел её. И она предупреждала его. Или просила. Или угрожала.

Он опустился на пол. В голове стучало. Он не знал, что реально, а что нет. Может быть, доктор прав, и он просто болен. Может быть, дневник — это его бред. Может быть, женщина на фотографии — не жена, а случайный образ. Но нож в вентиляции был настоящим. И пятна на ручке были настоящими. И страх был настоящим.

Андрей открыл дневник на чистой странице и написал: «Я не знаю, кто я. Но я знаю, что должен выбрать. И я выбираю — узнать правду. Даже если для этого придётся убить. Или умереть. Сегодня вечером я встречусь с доктором. И один из нас не выйдет из этой комнаты».

Он закрыл тетрадь, положил её на тумбочку и стал ждать. Время тянулось медленно. Будильник тикал, отстукивая секунды. За окном начало темнеть. Андрей сидел на кровати, сжимая рукоять ножа. Он ждал. И готовился.Стемнело быстро, как будто кто-то накрыл город плотным одеялом. Андрей не зажигал свет. Он сидел в темноте, прислушиваясь к каждому шороху. Где-то наверху скрипнула половица. В трубах за стеной загудело, потом стихло. Нож в руке стал тёплым от его ладони. Он держал его лезвием вниз, как учили в армии — хотя откуда он знал, что служил в армии? В дневнике об этом не было ни слова. Но руки помнили. Тело помнило. Только память подводила.

Шаги в коридоре он услышал задолго до стука. Медленные, уверенные. Доктор не торопился. Он шёл, как хозяин, который знает, что его ждут. Андрей встал, спрятал нож за спину, прислонился к стене рядом с дверью. Сердце колотилось так громко, что, казалось, его слышно в соседнем доме. Стук. Три коротких удара, пауза, ещё один. Тот же ритм, что и утром.

— Андрей, это я. Открой.

Голос звучал мягко, почти ласково. Андрей не ответил. Он ждал. Стук повторился, на этот раз настойчивее.

— Андрей, я знаю, что ты не спишь. Я видел свет в окне. Открой, нам нужно поговорить.

Свет? Он не зажигал свет. Но, может быть, доктор врал. Или проверял. Андрей сделал шаг к двери, но не открыл. Спросил через щель:

— Зачем вы пришли? Утром вы уже были.

Пауза. Потом доктор сказал тише, почти шёпотом:

— Я пришёл, потому что ты не выпил таблетку. Я вижу по глазам. Ты положил её в карман, а не проглотил. Андрей, это опасно. Ты должен принять лекарство.

Андрей усмехнулся. Значит, доктор наблюдал за ним. Следил. Может быть, через щель в стене, может быть, через окно. Он вспомнил женщину в окне напротив. Может быть, это была не галлюцинация. Может быть, это был кто-то настоящий. Кто-то, кто знал больше, чем говорил.

— Я не буду пить ваши таблетки, — сказал Андрей. — Пока вы не скажете мне правду. Кто я? И что случилось с Еленой?

За дверью стало тихо. Так тихо, что Андрей услышал, как доктор дышит. Ровно, спокойно. Слишком спокойно для человека, которого только что назвали по имени в связи с пропавшей женщиной.

— Открой дверь, Андрей. Я не могу говорить об этом через дверь. Это долгий разговор. И он не для чужих ушей.

— Здесь нет никого, кроме нас.

— Ты уверен? — Доктор помолчал. — Ты уверен, что в этой комнате только ты и я? Ты проверял шкаф? Ты смотрел под кроватью?

Андрей невольно обернулся. Шкаф был закрыт. Под кроватью темнело. Он не проверял. Он вообще не думал, что кто-то может прятаться. Но теперь слова доктора заронили зерно сомнения. Может быть, это игра. Может быть, доктор пытается его запугать. Или наоборот — предупредить.

— Я открою, — сказал Андрей. — Но если вы сделаете хоть одно резкое движение, я ударю.

— Хорошо, — согласился доктор. — Никаких резких движений. Я просто хочу поговорить.

Андрей повернул ключ. Дверь открылась. Доктор стоял на пороге, всё в том же сером пальто, но теперь без пакета. В руках у него ничего не было. Он поднял ладони, показывая, что безоружен. Андрей отступил, пропуская его, но нож не опустил. Доктор вошёл, огляделся. Увидел пузырёк с таблетками на столе — нетронутый. Вздохнул.

— Ты не принял лекарство.

— Нет.

— Почему?

— Потому что в дневнике написано, что я не должен вам верить. И потому что я нашёл кое-что. — Андрей достал из-за пазухи красную папку. — Здесь написано, что Елена Соколова — моя жена. И что она пропала. И что вы были её врачом. Вы не сказали мне об этом утром.

Доктор смотрел на папку так, как будто увидел привидение. Его лицо побледнело. Он медленно опустился на стул, не спрашивая разрешения. Провёл рукой по лицу.

— Где ты это взял?

— Под половицей. В моей комнате. Кто-то оставил это для меня. И этот кто-то знал, что я найду.

Доктор молчал. Он смотрел в пол, и его руки, лежащие на коленях, слегка дрожали. Андрей впервые видел его таким — растерянным, неуверенным. Это было странно. Врач, который утром говорил уверенно и спокойно, теперь выглядел как человек, у которого земля уходит из-под ног.

— Елена была моей пациенткой, — наконец сказал доктор. — Да. И твоей женой. Но ты не убивал её. Ты не мог. В тот вечер ты был у меня в клинике. Я сам тебя осматривал. У тебя был приступ. Ты ничего не помнил. А когда пришёл домой, её уже не было. Полиция приходила, допрашивала. Но алиби у тебя было железное. Я подтвердил.

— Тогда почему в дневнике написано, что я убийца?

— Потому что ты сам себя убедил в этом. — Доктор поднял глаза. — Ты не помнишь, но после исчезновения Елены у тебя начались провалы. Ты забывал не только события, но и собственные мысли. И в один из таких провалов ты написал эту фразу. Ты решил, что виноват. Что если жена пропала, а ты ничего не помнишь, значит, это ты. Это типично для диссоциативной амнезии. Мозг заполняет пустоты тем, чего боится больше всего.

Андрей слушал. Слова доктора звучали логично. Слишком логично. Как будто он готовился к этому разговору. Как будто у него была заготовлена история на любой вопрос.

— А фотография? — спросил Андрей. — На обороте написано: «Она жива. Он тебе врёт». Кто мог это написать?

Доктор взял фотографию. Долго смотрел на неё. Потом перевернул. Прочитал надпись. Его брови сошлись к переносице.

— Это не мой почерк. И не твой. Это почерк Елены.

Андрей почувствовал, как пол уходит из-под ног. Он схватился за спинку стула.

— Что вы имеете в виду? Она жива?

— Я не знаю. — Доктор покачал головой. — Я не видел её с того вечера. Но если это действительно её почерк… Значит, она была здесь. И оставила это для тебя. Может быть, она хотела, чтобы ты нашёл её. Может быть, она прячется. От кого-то. Или от чего-то.

— От кого? — Андрей повысил голос. — От вас?

Доктор посмотрел на него прямо. В его глазах не было страха. Только усталость.

— Я не знаю. Но я знаю одно: если Елена жива и если она оставила эту папку, значит, она не хотела, чтобы ты пил таблетки. Значит, она знала, что они делают.

— Что они делают?

Доктор молчал. Андрей сделал шаг вперёд, поднял нож.

— Говорите.

— Таблетки не лечат амнезию, — тихо сказал доктор. — Они её вызывают. Точнее, они поддерживают её. Я не знал об этом, когда начал тебя лечить. Я думал, что помогаю. Но потом… — Он замолчал.

— Что потом?

— Потом я понял, что кто-то другой даёт тебе эти таблетки. Кто-то, кто хочет, чтобы ты забывал. Каждый день. Чтобы ты не мог восстановить память. Чтобы ты не вспомнил, что случилось на самом деле.

Андрей опустил нож. Рука дрожала. Он не понимал, что чувствует — облегчение или новый страх. Если доктор говорит правду, значит, он не убийца. Но тогда кто? И зачем кому-то стирать его память каждый день?

— Кто это? — спросил он.

— Я не знаю. Но я знаю, что за тобой наблюдают. И не только я. — Доктор кивнул в сторону окна. — Ты видел женщину в доме напротив?

Андрей вздрогнул.

— Видел. Сегодня днём. Она показала на дверь и провела пальцем по горлу.

Доктор медленно кивнул.

— Это не Елена. Это её сестра. Марина. Она ищет Елену уже три года. Она не верит, что ты убил. Она считает, что тебя подставили. И она считает, что я замешан. Она следит за мной. И за тобой. Она хочет найти доказательства.

— Доказательства чего?

— Того, что Елена жива. И того, что кто-то держит тебя здесь. — Доктор обвёл рукой комнату. — Ты думаешь, это клиника? Это не клиника. Это квартира в доме, который принадлежит одному очень богатому человеку. Он платит за твоё содержание. Он же оплачивает мои услуги. И он же настоял на том, чтобы ты принимал эти таблетки.

Андрей почувствовал, как холодок пробежал по спине.

— Кто он?

— Я не знаю его имени. Я вижу только счета и распоряжения. Но я знаю, что он не хочет, чтобы ты вспомнил. И я знаю, что он готов на всё, чтобы ты не вышел из этой комнаты.

— Тогда почему вы мне это рассказываете? — Андрей снова поднял нож. — Вы же работаете на него.

Доктор посмотрел на нож. Потом на Андрея. В его глазах было что-то похожее на жалость.

— Потому что я устал. Я врач. Я давал клятву. И я нарушил её. Я не хочу больше лгать. Особенно тебе. — Он помолчал. — И потому что Елена была моей пациенткой. И я знаю, что она не ушла бы просто так. Она любила тебя. Она бы не оставила тебя одного.

Андрей опустил нож. Медленно, как будто разжимал сведённые судорогой пальцы. Он сел на кровать. Голова шла кругом. Всё, что он знал, рушилось. Всё, что он предполагал, оказывалось ложью. Он не убийца. Но он и не свободен. Он пленник в комнате, которая меняется каждую ночь. И кто-то очень могущественный хочет, чтобы он оставался в неведении.

— Что мне делать? — спросил он тихо.

Доктор наклонился вперёд.

— Для начала — не убивать меня. Я тебе нужен. Я могу помочь тебе выбраться. Но не сегодня. Сегодня вечером за тобой придут. Они приходят каждую ночь, когда ты засыпаешь. Они меняют обстановку, стирают твою память. Если ты не выпьешь таблетку, они сделают это насильно. И тогда ты не проснёшься до утра. А утром всё начнётся сначала.

— Кто они?

— Люди, которые на него работают. Они не врачи. Они не разговаривают. Они просто делают свою работу.

Андрей сжал кулаки.

— Я не буду спать.

— Ты не сможешь не спать. Они используют газ. Или укол. Я не знаю точно. Но я знаю, что сопротивляться бесполезно.

— Тогда зачем вы всё это говорите? Если я всё равно забуду?

Доктор улыбнулся. Впервые за вечер — тепло, по-человечески.

— Потому что ты записываешь. — Он кивнул на дневник. — Ты найдёшь способ запомнить. Ты уже нашёл. Красная папка, нож, надписи на стенах. Ты оставляешь себе подсказки. Ты борешься. И я хочу помочь тебе победить.

Андрей посмотрел на дневник. Потом на доктора. Потом на нож в своей руке.

— А если я убью вас? — спросил он. — Если я убью вас и сбегу?

Доктор покачал головой.

— Ты не сбежишь. За дверью — охрана. Они не дадут тебе выйти. И даже если ты выйдешь, ты не вспомнишь, куда идти. Ты забудешь меня, забудешь Елену, забудешь всё. И через двадцать четыре часа снова окажешься в комнате, как будто ничего не было. Только на этот раз меня не будет рядом. И никто не расскажет тебе правду.

Андрей молчал. Он думал о том, что доктор говорит правду. Он чувствовал это. Не памятью, а чем-то более глубоким. Инстинктом. Тем самым, который заставил его спрятать нож в вентиляции и оставить записку на стене.

— Что мне делать сейчас? — спросил он.

— Прими таблетку, — сказал доктор. — Но не глотай её. Держи за щекой. Когда они придут, ты будешь выглядеть так, как будто ты под наркозом. Они не станут проверять. А когда они уйдут, ты выплюнешь её и запишешь всё, что произошло. Это твой единственный шанс.

Андрей взял пузырёк. Открыл. Достал белую таблетку. Посмотрел на неё. Потом на доктора.

— А вы? Вы не боитесь, что я расскажу им о нашем разговоре?

— Ты не расскажешь. Потому что ты не будешь помнить. Но ты запишешь. И завтра, когда ты проснёшься, ты прочитаешь дневник и узнаешь, что я на твоей стороне. — Доктор встал. — Я приду завтра утром. Как обычно. Но на этот раз я принесу не только таблетки. Я принесу план.

— Какой план?

— Как выбраться отсюда. Как найти Елену. И как вернуть твою память.

Андрей кивнул. Он положил таблетку в рот, но не проглотил. Доктор посмотрел на него, одобрительно кивнул и направился к двери. На пороге он обернулся.

— И ещё одно. Не верь никому. Даже мне. Но проверяй. Записывай. И ищи красные папки. Я буду оставлять их для тебя.

Он вышел и закрыл за собой дверь. Андрей остался один. Он выплюнул таблетку в ладонь. Посмотрел на неё. Потом завернул в бумажку и спрятал под матрас. Сел за стол. Открыл дневник. И начал писать. Он писал быстро, торопливо, как будто боялся, что не успеет. Он записал всё: разговор с доктором, историю Елены, сестру Марину, таблетки, план. Потом закрыл тетрадь и положил её на тумбочку. Рядом — красную папку. И нож. Чтобы утром он сразу понял, что произошло.

Он лёг на кровать, не раздеваясь. В окне напротив снова зажёгся свет. Женщина — Марина — стояла у окна и смотрела на него. Она подняла руку. На этот раз она не показывала на дверь. Она показывала на пол. На половицу. Андрей кивнул. Он понял. Там были ещё папки. Может быть, ещё ответы. Может быть, ещё ложь. Но он найдёт их. Завтра. Или через день. Или через неделю. Он не сдастся. Даже если каждый день начинается с нуля. Даже если он не помнит, кто он. Он будет бороться. Потому что где-то там, в неизвестности, есть женщина, которая его любила. И которая, возможно, всё ещё жива.

Он закрыл глаза. Сон не шёл. Но он знал, что придёт. И знал, что с ним придут они. Он сжал рукоять ножа под подушкой. И стал ждать. В темноте. В тишине. В комнате с трещиной на потолке, похожей на вопросительный знак. Ответа на который у него пока не было.

Глава 2. Гости в полночь

Он не заметил, как уснул. Просто в какой-то момент темнота стала плотнее, звуки стихли, и он провалился в неё, как в глубокий колодец. Ему ничего не снилось. Или снилось что-то, что он не мог запомнить. А потом его разбудил звук. Негромкий, но чужеродный. Металлический скрежет, как будто кто-то вставлял ключ в замок, но не с той стороны, а изнутри. Андрей открыл глаза. В комнате было темно, хоть глаз выколи. Он лежал на кровати, сжимая под подушкой рукоять ножа. Пальцы затекли. Он не помнил, как оказался в постели. Последнее, что помнил, — это как он сидел за столом и писал в дневнике. Потом — провал. И вот теперь — скрежет.

Он прислушался. Скрежет повторился. Потом ещё раз. И ещё. Кто-то возился с замком, но не снаружи, а как будто пытался его открыть изнутри. Андрей медленно вытащил нож из-под подушки. Лезвие блеснуло в свете уличного фонаря, пробивавшегося сквозь щель в занавеске. Он сел на кровати, стараясь не скрипнуть пружинами. В темноте он различал только смутные очертания мебели: стол, стул, шкаф. Дверь была закрыта. Но звук шёл именно оттуда. Он был уверен.

Внезапно скрежет прекратился. Наступила тишина. Такая полная, что Андрей услышал, как в его ушах стучит кровь. Он ждал. Прошла минута. Две. Три. Ничего. Может быть, показалось? Может быть, это дом так оседает? Он уже почти решил снова лечь, когда в двери что-то щёлкнуло. Тихо, почти неслышно. И дверь медленно начала открываться. Она двигалась плавно, без скрипа, как будто кто-то придерживал её с другой стороны. Андрей вжался в стену, поднял нож. В проёме показался силуэт. Невысокий, худой. Человек в тёмной одежде, с чем-то в руке. Андрей затаил дыхание. Силуэт шагнул в комнату. И в этот момент за его спиной, в коридоре, вспыхнул свет. Яркий, резкий, как прожектор. Андрей зажмурился. А когда открыл глаза, увидел, что в комнате никого нет. Дверь была закрыта. Замок на месте. И только в воздухе висел едва уловимый запах — сладковатый, лекарственный. Тот самый, который он почувствовал утром, когда проснулся.

Он встал, подошёл к двери, потрогал замок. Он был заперт. Снаружи. Кто-то запер его, пока он спал. Или пока он думал, что не спит. Андрей провёл рукой по лицу. Ладонь была влажной. Он весь взмок. Сердце колотилось. Он посмотрел на часы. Будильник показывал три часа ночи. Значит, он проспал несколько часов. А может быть, и больше. Он не помнил.

Он включил свет. Лампочка под потолком загорелась не сразу, мигнула пару раз, потом залила комнату жёлтым светом. Всё было как прежде: стол, стул, шкаф, кровать. Но что-то изменилось. Андрей не сразу понял, что именно. Потом до него дошло. Занавеска на окне была задёрнута. Утром она была открыта. И на столе лежал новый предмет. Маленький, чёрный, прямоугольный. Телефон. Он не помнил, чтобы у него был телефон. Он взял его в руки. Экран загорелся. На нём было одно сообщение. От неизвестного номера. «Не пей таблетку. Они хотят, чтобы ты забыл. Я жду тебя у чёрного хода в шесть утра. Приходи один».

Андрей уставился на экран. Сообщение было отправлено десять минут назад. Кто-то знал, что он не спит. Кто-то знал, что он в этой комнате. И этот кто-то хотел, чтобы он вышел. В шесть утра. Через три часа. Он посмотрел на дневник. Тот лежал на тумбочке, закрытый. Он открыл его на последней странице. Там была его запись — та, которую он сделал вечером. Про доктора, про Елену, про план. Но ниже, под ней, появилась новая. Написанная его почерком, но более крупно, размашисто, как будто он писал в спешке или в состоянии аффекта: «Не ходи к чёрному ходу. Это ловушка. Они хотят тебя выманить. Останься в комнате. Утром доктор принесёт план. Доверься ему».

Андрей перечитал обе записи. Одна говорила: иди. Другая: не ходи. Обе были написаны его рукой. Обе были сделаны сегодня ночью. Но он не помнил, чтобы писал их. Он вообще

ничего не помнил после того, как сел за стол. Может быть, он писал их в состоянии сомнамбулизма? Может быть, кто-то другой водил его рукой? Он посмотрел на телефон. Потом на дневник. Потом на дверь. Замок был заперт снаружи. Значит, выйти он всё равно не сможет. Если только не сломает дверь. Или не найдёт другой путь.

Он подошёл к окну, отдёрнул занавеску. Стена соседнего дома была всё так же близко. Но теперь в окне напротив горел свет. И в нём никого не было. Андрей пригляделся. На стекле, с той стороны, было что-то написано. Белым, мелом или краской. Он прищурился. Буквы были перевёрнуты, но он разобрал: «Не верь доктору. Он один из них». Андрей отшатнулся. Он не знал, кому верить. Доктор говорил, что он на его стороне. А надпись в окне говорила обратное. И сообщение на телефоне тоже говорило обратное. Может быть, это всё игры. Может быть, его специально путают. Может быть, единственный способ понять, кто враг, — это выйти и встретиться с тем, кто зовёт.

Он сел на кровать. Три часа до рассвета. Три часа, чтобы решить. Он открыл дневник на чистой странице и записал всё, что произошло: скрежет, силуэт, свет, телефон, сообщение, новую запись. Потом перечитал. Почерк был ровным. Он не помнил, как писал. Но это было его рукой. Он закрыл тетрадь и положил её на тумбочку. Потом взял телефон. Набрал ответ: «Кто ты?» Отправил. Ответ пришёл почти сразу: «Тот, кто знает правду. У тебя есть два часа. В шесть у чёрного хода. Если не придёшь, я уйду навсегда. И ты никогда не узнаешь, где Елена».

Андрей сжал телефон в руке. Елена. Опять Елена. Всё вращалось вокруг неё. Он не помнил её. Но он чувствовал, что она важна. Что она — ключ ко всему. Он посмотрел на дверь. Замок был заперт. Но, может быть, его можно открыть изнутри. Он подошёл, осмотрел его. Обычный врезной замок, но с одной стороны — замочная скважина, а с другой — нет. Значит, открыть его можно только снаружи. Или сломать. Он подёргал ручку. Дверь была крепкой. Он не сможет её выбить, не подняв шум. А шум привлечёт охрану. Если она есть.

Он вернулся к окну. Стена дома напротив была в двух метрах. Может быть, меньше. Если открыть створку, можно дотянуться до подоконника. А там — окно. Если оно не заперто. Андрей попробовал открыть своё окно. Створка поддалась с трудом, но открылась. В лицо ударил холодный ночной воздух. Пахло сыростью и мокрым кирпичом. Он выглянул. До стены напротив действительно было недалеко. Но между окнами — пропасть. Внизу — тёмный двор, заваленный мусором. Если он сорвётся, то упадёт с третьего этажа. Или с четвёртого. Он не знал, какой это этаж. Но прыгать было рискованно.

Он закрыл окно и сел на пол. Время шло. Будильник тикал. Андрей смотрел на телефон. Экран погас. Он включил его снова. Новых сообщений не было. Он думал о докторе. Если доктор врал, то зачем он рассказал про Елену, про сестру, про таблетки? Зачем дал план? Может быть, это была проверка. Может быть, доктор хотел узнать, поверит ли Андрей. И если поверит, то его будет легче контролировать. А если нет — то его уберут. Или сотрут.

Он посмотрел на нож. Лезвие было чистым. Он провёл по нему пальцем. Острое. Если доктор придёт утром и попытается его усыпить, он сможет защититься. Но сможет ли он убить? Он не знал. Он никогда не убивал. Или убивал, но не помнил. Эта мысль была самой страшной. Он мог быть убийцей и не знать об этом. Он мог убить Елену и забыть. А потом убедить себя, что её убили другие. Может быть, красная папка — это не подсказка, а ловушка. Может быть, кто-то хочет, чтобы он вспомнил то, чего не было.

В пять утра он принял решение. Он не пойдёт к чёрному ходу. Слишком очевидно. Слишком похоже на ловушку. Вместо этого он дождётся доктора. И задаст ему вопросы. Если доктор соврёт, он поймёт. По глазам, по голосу, по рукам. Он научился читать людей за то время, которое не помнил. Может быть, это был его дар. Или проклятие.

В шесть утра за дверью послышались шаги. Те же, что и вечером. Медленные, уверенные. Доктор. Андрей встал, спрятал нож за спину, прислонился к стене. Стук. Три коротких удара,

пауза, ещё один. Андрей открыл. Доктор стоял на пороге, в том же пальто, с тем же бумажным пакетом. Но на этот раз он выглядел иначе. Бледнее. Уставшим. Как будто не спал всю ночь.

— Доброе утро, — сказал он. — Как спалось?

— Плохо, — ответил Андрей. — Кто-то пытался открыть мою дверь ночью.

Доктор нахмурился.

— Кто?

— Не знаю. Я видел силуэт. А потом свет. И дверь была заперта снаружи.

Доктор прошёл в комнату, осмотрел замок.

— Я не запирал. Это не моя работа. — Он повернулся к Андрею. — Значит, они приходили. Но не для того, чтобы тебя усыпить. Они что-то искали.

— Что?

— Не знаю. Может быть, дневник. Может быть, папку. — Доктор посмотрел на стол. — Ты перепрятал?

Андрей кивнул. Он не сказал, куда. Доктор не спрашивал.

— Хорошо. — Доктор сел на стул. — Теперь слушай. У меня мало времени. Они могут прийти в любой момент. Я нашёл способ вытащить тебя отсюда. Но это рискованно. Ты должен будешь довериться мне. Полностью. Без вопросов. Ты готов?

Андрей смотрел на него. В голове звучали слова из окна: «Не верь доктору. Он один из них». И слова из дневника: «Доверься ему». Он не знал, какое из них правдивое. Но он знал, что если он не выйдет из этой комнаты, он сойдёт с ума. Или его убьют. Или сотрут окончательно. Он кивнул.

— Готов.

Доктор улыбнулся. Впервые за всё время — искренне, тепло.

— Хорошо. Сегодня вечером, когда стемнеет, я приду сюда с двумя людьми. Они выведут тебя через подвал. Там есть дверь, которая ведёт в соседний дом. В подвале того дома — машина. За рулём будет женщина. Её зовут Марина. Ты её знаешь. Она сестра Елены. Она отвезёт тебя в безопасное место.

— А вы? — спросил Андрей. — Вы пойдёте с нами?

Доктор покачал головой.

— Я останусь. Кто-то должен отвести от вас подозрения. Если я исчезну, они поймут, что это я помог. И тогда вас найдут.

— Вас убьют?

— Может быть. Но это неважно. Главное — чтобы ты выбрался. И нашёл Елену. — Он достал из пакета пузырёк с таблетками. — Вот. Это не лекарство. Это пустышка. Мель, смешанная с безвредным порошком. Ты будешь принимать их при них. Они не заметят разницы. А настоящие таблетки я заберу.

Андрей взял пузырёк. Он был лёгким, почти невесомым.

— Почему вы это делаете? — спросил он. — Почему помогаете мне?

Доктор помолчал. Потом сказал тихо:

— Потому что я видел, как они стирают людей. Не только тебя. Других. Молодых, старых. Тех, кто знал слишком много. Я не хочу быть частью этого. Я хочу хотя бы раз в жизни поступить правильно.

Он встал.

— Вечером, в восемь. Будь готов. Не пей ничего, что они тебе дадут. Не открывай дверь, если постучат не по правилам. И ещё одно. — Он наклонился ближе. — Если увидишь женщину в окне напротив, не махай ей. Не подавай знаков. За тобой могут наблюдать.

Андрей кивнул. Доктор вышел. Дверь закрылась. И снова — тишина. Он остался один. С пузырьком пустышек в руке и ножом под подушкой. Восемь вечера. Ещё двенадцать часов. Он должен продержаться. И не сойти с ума. Он сел за стол, открыл дневник и начал писать. Он

записал всё: ночной визит, сообщение на телефоне, разговор с доктором, план. Потом закрыл тетрадь и спрятал её под половицу вместе с красной папкой. Он не знал, что будет завтра. Но он знал, что сегодня вечером он либо выберется, либо умрёт. И он был готов к обоим вариантам.День тянулся медленно, как густой сироп. Андрей не мог найти себе места. Он ходил из угла в угол, садился, вставал, снова садился. В голове крутились обрывки мыслей: «Доверься доктору», «Не верь никому», «Она жива», «Ты убийца». Он пытался выстроить их в логическую цепочку, но цепочка рассыпалась, как только он пытался ухватить её за конец. Он открыл окно, чтобы проветрить комнату. Улица была пуста. Стена соседнего дома казалась ещё более серой, чем утром. В окне напротив никого не было. На стекле всё ещё виднелась надпись: «Не верь доктору. Он один из них». Андрей смотрел на неё долго, пока буквы не начали расплываться. Он не знал, кто написал это. Может быть, Марина. Может быть, кто-то другой. Может быть, он сам.

Он закрыл окно и вернулся к столу. На нём лежал телефон. Он взял его, повертел в руках. Экран был тёмным, но стоило ему коснуться, как телефон ожил. Новое сообщение. От того же номера. «Ты не пришёл. Я ждала до половины седьмого. Теперь я знаю, что ты мне не доверяешь. Это твой выбор. Но помни: доктор не тот, за кого себя выдаёт. Если ты пойдёшь с ним, ты не выйдешь живым. Я даю тебе последний шанс. Сегодня, в семь вечера, в том же месте. Если не придёшь, я больше не буду пытаться. И ты останешься здесь навсегда».

Андрей перечитал сообщение. В семь. А доктор сказал в восемь. Час разницы. Если он пойдёт к чёрному ходу в семь, он встретит Марину. Если в восемь — доктора. Может быть, это не совпадение. Может быть, Марина специально назначила встречу на час раньше, чтобы перехватить его до того, как доктор придёт. Или чтобы проверить, кому он доверяет. Он посмотрел на дневник. На последней странице была запись: «Доверься ему». Но кто её сделал? Он не помнил. Может быть, это написал доктор, подделав его почерк. Может быть, это написал он сам, но в состоянии, когда не контролировал себя. Он не мог быть уверен ни в чём.

Он решил проверить. Если доктор действительно хочет помочь, он не станет возражать против того, чтобы Андрей задал ему несколько вопросов. Он набрал номер доктора — тот был записан в телефонной книге под именем «Верховцев». Гудки. Долгие, тягучие. Наконец, на другом конце ответили.

— Андрей? — Голос доктора был удивлённым. — Что-то случилось?

— Пока нет, — сказал Андрей. — Но может случиться. Я хочу знать: вы действительно собираетесь вытащить меня сегодня вечером?

Пауза. Потом доктор сказал тише:

— Да. В восемь. Я же говорил.

— А в семь? — спросил Андрей. — Что будет в семь?

Молчание. Долгое, напряжённое. Андрей слышал, как доктор дышит. Ровно, но чуть быстрее, чем обычно.

— В семь ничего не должно быть, — наконец сказал доктор. — Почему ты спрашиваешь?

— Потому что мне назначили встречу на семь. У чёрного хода. Женщина по имени Марина. Она говорит, что вы — один из них. Что если я пойду с вами, я не выйду живым.

Доктор выругался. Тихо, сквозь зубы. Андрей впервые слышал от него брань. Это было странно — как будто маска спокойствия на секунду сползла.

— Марина, — сказал доктор. — Я так и знал. Она не доверяет мне. И правильно делает. Но она не понимает всей картины. Она думает, что я работаю на них. Но я не работаю. Я пытаюсь вас обоих спасти. И её, и тебя.

— Тогда почему она говорит, что вы — один из них?

— Потому что я был одним из них. Долгое время. Я лечил людей, которых они приносили. Я давал им таблетки. Я стирал их память. Я делал это, потому что мне платили. И потому что я боялся. Но потом я понял, что не могу больше. Я начал саботировать их планы. Я подме-

нял таблетки. Я оставлял подсказки. Я делал всё, чтобы ты вспомнил. И Марина знает об этом. Но она не верит, что я изменился. Она думает, что это игра. Что я заманиваю тебя в ловушку.

Андрей слушал. Слова доктора звучали искренне. Слишком искренне. Он не знал, что и думать.

— Что мне делать? — спросил он.

— Решай сам, — сказал доктор. — Я не могу тебе приказывать. Но если ты пойдёшь к Марине, ты должен знать: она может быть не одна. За ней могут следить. Они знают, что она ищет тебя. Они могут использовать её, чтобы выманить тебя. И если ты выйдешь к ней, тебя схватят.

— А если я пойду с вами?

— Тогда есть шанс. Небольшой, но есть. Я знаю план здания. Я знаю, где охрана. Я знаю, как вывести тебя через подвал. Но я не могу гарантировать, что мы не столкнёмся с ними. Риск есть в любом случае.

Андрей закрыл глаза. Он чувствовал, как его затягивает в воронку. Один выбор — и он может потерять всё. Другой — и он может потерять себя. Он не знал, какой из них правильный. Он вообще не знал, что правильно, а что нет. В этом мире, где каждый день начинается с нуля, не было никаких ориентиров. Только дневник. И нож. И телефон, который звонил и звал.

— Я подумаю, — сказал он и отключился.

Он сел на кровать. Время шло. До семи оставалось несколько часов. Он должен был решить. Он открыл дневник на чистой странице и написал: «Если я выберу Марину и умру, это будет моя ошибка. Если я выберу доктора и умру, это будет его ошибка. Но если я не выберу ничего, я останусь здесь навсегда. И это будет худшая ошибка из всех». Он перечитал написанное. Потом закрыл тетрадь. И стал ждать.

В шесть вечера в дверь постучали. Не по правилам. Не три коротких и один. Просто один удар. Тяжёлый, глухой. Андрей напрягся. Он не ждал гостей так рано. Он подошёл к двери, но не открыл.

— Кто там?

— Это я, — сказал женский голос. — Марина. Открой.

Андрей замер. Марина. Здесь. В коридоре. Она пришла сама. Значит, она знает, где он. Значит, у неё есть доступ. Или она взломала дверь. Или у неё есть ключ.

— Как вы сюда попали? — спросил он через дверь.

— Через подвал. Там есть дверь, которая не заперта. Я знаю это здание. Я слежу за ним уже месяц. Открой, у нас мало времени. Они придут в восемь. И доктор придёт с ними.

Андрей колебался. Он не знал, верить ли ей. Но голос был настойчивым, почти отчаянным. Он повернул ключ. Дверь открылась. На пороге стояла женщина лет тридцати, с тёмными волосами, забранными в хвост, в чёрной куртке и джинсах. У неё было худое лицо с резкими скулами и глаза, которые смотрели прямо, без страха. Она была похожа на ту женщину на фотографии. Только старше. И жёстче.

— Здравствуй, Андрей, — сказала она. — Я Марина. Сестра Елены. И я знаю, что ты не убивал её. Потому что я знаю, кто убил. Или, точнее, кто попытался.

Она вошла в комнату, огляделась. Увидела нож на столе. Не вздрогнула.

— Ты готовишься? Это хорошо. Но нож тебе не понадобится. Нам нужно уходить. Сейчас. Пока они не пришли.

— Доктор сказал, что придёт в восемь, — сказал Андрей. — Он хочет помочь.

Марина усмехнулась.

— Доктор хочет помочь себе. Он боится, что его раскроют. Он знает, что если ты выйдешь отсюда и заговоришь, он сядет вместе с ними. Поэтому он хочет вывести тебя первым. Чтобы контролировать. Чтобы ты не сказал лишнего.

— А вы? — спросил Андрей. — Вы чего хотите?

— Я хочу найти сестру. — Голос Марины дрогнул. — Она жива. Я знаю это. Я чувствую. Она где-то здесь. В этом здании или рядом. И я думаю, что ты — ключ к ней. Ты что-то видел. Что-то, что они стёрли из твоей памяти. Но это осталось где-то глубоко. И если мы выберемся, мы сможем это достать.

Андрей смотрел на неё. В её глазах была боль. Настоящая, не наигранная. Он узнал эту боль. Он видел её в зеркале. Каждый день, когда просыпался и не помнил, кто он.

— Почему я должен вам верить? — спросил он. — В окне напротив написано, что доктор — один из них. Но кто написал это? Вы?

Марина кивнула.

— Я. Я видела, как он приходил к тебе. Каждое утро. Я знаю, что он даёт тебе таблетки. Я знаю, что он говорит тебе, что ты болен. Но ты не болен. Тебя отравили. Эти таблетки — не лекарство. Это яд. Он стирает память. И доктор знает об этом. Он сам их и разработал.

Андрей почувствовал, как холодок пробежал по спине. Он вспомнил пузырёк, который оставил доктор. Пустышки. Или не пустышки? Может быть, доктор соврал и на этот раз. Может быть, в пузырьке настоящие таблетки. Может быть, всё, что он говорил, — ложь.

— У нас нет времени, — сказала Марина. — Если ты хочешь уйти, идём сейчас. Если нет — я уйду одна. И ты останешься здесь. С ними.

Андрей сделал шаг вперёд. Потом остановился. Он вспомнил слова доктора: «Если ты пойдёшь к Марине, ты должен знать: она может быть не одна. За ней могут следить». Он посмотрел на Марину. В её глазах не было лжи. Но он не мог быть уверен. Он не мог быть уверен ни в чём.

— Хорошо, — сказал он. — Я иду с вами.

Марина кивнула. Она достала из кармана маленький фонарик, включила его.

— Следуй за мной. Не отставай. И не шуми.

Они вышли в коридор. Марина двигалась быстро, уверенно. Она знала дорогу. Андрей шёл за ней, стараясь ступать тихо. Они спустились по лестнице в подвал. Тот самый подвал, где он уже был. Только теперь он казался другим. Тёмным, зловещим. Марина подошла к дальней стене, нажала на что-то, и часть стены отодвинулась. За ней была дверь. Металлическая, тяжёлая. Марина открыла её ключом.

— Это старый ход, — сказала она. — Он вёл в соседний дом. Его заложили кирпичом, но я нашла обход. Через вентиляцию.

Андрей посмотрел в тёмный проём. Там было узко и пыльно. Пахло сыростью и мышами.

— Полезай, — сказала Марина. — Я за тобой.

Андрей наклонился и шагнул в темноту. Он полз на четвереньках, чувствуя, как под ладонями скользит холодный металл. Впереди был свет. Марина светила фонариком. Он полз долго. Минуты шли. Наконец, впереди показался выход. Он выбрался в небольшое помещение, тоже подвал, но другой. Здесь было светлее. На полу стояла старая мебель, накрытая плёнкой. Марина выбралась следом.

— Теперь наверх, — сказала она. — Там машина.

Они поднялись по лестнице. Вышли во двор. Было темно. Фонари не горели. Марина подвела его к старой машине, стоявшей у стены. Она открыла дверь.

— Садись. Быстро.

Андрей сел на пассажирское сиденье. Марина завела мотор. Машина тронулась. Они выехали со двора. Андрей смотрел в окно. Дом, в котором он провёл последние дни, остался позади. Он не чувствовал облегчения. Только пустоту. И страх. Что будет дальше? Он не знал. Он не помнил. Но он был свободен. Или думал, что свободен.

Вдруг Марина резко затормозила. Андрей дёрнулся вперёд.

— Что? — спросил он.

— Смотри, — сказала она.

Впереди, поперёк дороги, стояла машина. Чёрная, без номеров. Из неё вышли двое в тёмной одежде. Они направились к ним.

— Это они, — сказала Марина. — Они знают.

Она включила заднюю передачу и нажала на газ. Машина рванула назад. Но сзади тоже появилась машина. Они были в ловушке. Андрей посмотрел на Марину. В её глазах был страх. Настоящий, животный.

— Что делать? — спросил он.

— Не знаю, — сказала она. — Я не думала, что они так быстро.

Андрей схватился за ручку двери. Он не знал, что будет делать. Бежать? Драться? Он не был готов. Он не помнил, как драться. Он не помнил, как бегать. Он вообще не помнил себя. Но он знал, что не сдастся. Он открыл дверь. И шагнул в темноту.

Глава 3. Выбор у чёрной машины

Ночь была холодной. Андрей стоял на асфальте, чувствуя, как через тонкие подошвы ботинок пробирается ледяная сырость. Двое в тёмной одежде приближались медленно, уверенно, как будто знали, что бежать некуда. За спиной Марина что-то кричала, но её голос тонул в шуме мотора и в грохоте его собственного сердца. Он не оборачивался. Он смотрел на тех, кто шёл к нему, и пытался вспомнить, как дышать.

Первый был высоким, широкоплечим, с коротко остриженной головой и тяжёлой челюстью. Второй — ниже, тоньше, с быстрыми глазами и лёгкой, почти танцующей походкой. У обоих в руках были короткие чёрные предметы. Андрей не сразу понял, что это оружие. А когда понял, почувствовал, как страх сжимает горло.

— Стоять, — сказал высокий. Голос у него был низкий, спокойный, как у человека, привыкшего отдавать приказы. — Не дёргайся. Мы не хотим тебе зла.

Андрей сделал шаг назад. Пяткой он почувствовал бордюр. Дальше — стена. Тупик. Он посмотрел на Марину. Она сидела в машине, вцепившись в руль, и смотрела на него широко раскрытыми глазами. В её взгляде был ужас. И ещё что-то. Может быть, жалость. Может быть, вина.

— Кто вы? — спросил Андрей. Голос его сорвался, и он повторил громче: — Кто вы такие?

Высокий усмехнулся. Он был уже в двух шагах. Андрей видел его лицо: грубое, обветренное, с тонкой полоской шрама над бровью. Глаза у него были светлые, почти прозрачные, и в них не было ни злобы, ни интереса. Только холод.

— Тебя зовут Андрей Соколов, — сказал он. — Ты находишься в опасном состоянии. Мы здесь, чтобы доставить тебя в безопасное место. Добровольно или нет — решай сам.

— В безопасное место? — Андрей почувствовал, как в нём поднимается что-то, похожее на злость. — Вы меня держали в комнате без окон. Вы стирали мне память. Вы приходили по ночам. И теперь говорите о безопасности?

Высокий не изменился в лице.

— Ты сам подписал согласие. Ты сам попросил об этом. Ты не помнишь, потому что это часть лечения.

— Лечения? — Андрей оглянулся на Марину. — Она сказала, что вы отравили меня. Что таблетки — это яд.

Высокий перевёл взгляд на машину. На его лице не дрогнул ни один мускул.

— Женщина в машине — Марина Соколова, сестра твоей жены. Она уже три года пытается доказать, что твоя жена жива. Она одержима. И она опасна. Для тебя и для себя. Мы пытались ей помочь, но она отказывается.

Андрей посмотрел на Марину. Она открыла дверь и вышла. В её руке был пистолет. Маленький, но настоящий. Она направила его на высокого.

— Не слушай его, Андрей, — сказала она. Голос у неё дрожал, но рука была твёрдой. — Он врёт. Всё, что он говорит, — ложь. Я не сумасшедшая. Я знаю, что видела. Я знаю, что слышала. Они держали Елену в подвале того дома. Я слышала её голос через вентиляцию. Она звала тебя. Она повторяла твоё имя.

Высокий медленно поднял руки, показывая, что не собирается стрелять.

— Марина, опусти оружие. Ты же знаешь, что этим ты только всё усложняешь. Мы не хотим, чтобы кто-то пострадал.

— Замолчи, — сказала она. — Я не с тобой разговариваю.

Второй, низкий, сделал шаг в сторону, пытаясь обойти Андрея сбоку. Андрей заметил это краем глаза. Он не знал, что делать. Он не знал, кому верить. Высокий говорил спокойно,

уверенно, как человек, который привык, что ему верят. Марина говорила срывающимся голосом, с болью, с отчаянием. И в её словах была та самая правда, которую он искал все эти дни. Но была ли она настоящей? Или это была ещё одна ловушка?

— У тебя есть пять секунд, — сказала Марина. — Потом я стреляю.

Высокий посмотрел на неё. Потом на Андрея. Потом снова на неё.

— Ты не выстрелишь. Ты не убийца. Ты просто напугана.

— Ты не знаешь, кто я, — сказала она. — И что я могу.

Андрей чувствовал, как время растягивается. Каждая секунда казалась часом. Он смотрел на пистолет в руке Марины, на холодные глаза высокого, на второго, который уже почти обошёл его. Он знал, что если он не сделает выбор сейчас, выбор сделают за него. И тогда он снова окажется в комнате. Снова забудет. Снова начнёт сначала. И, может быть, на этот раз навсегда.

Он сделал шаг вперёд. Прямо к высокому. Тот не ожидал. Его глаза на мгновение расширились. Андрей воспользовался этим мгновением. Он схватил высокого за воротник куртки и рванул на себя. Одновременно он ударил его коленом в пах. Высокий согнулся, застонал. Андрей толкнул его на второго. Оба покатились по асфальту.

— В машину! — крикнул он Марине. — Быстро!

Она не стала спрашивать. Прыгнула за руль. Андрей бросился к пассажирской двери. Он успел заметить, как второй пытается подняться, как высокий тянется к пистолету. Но он уже был в машине. Марина нажала на газ. Машина рванула с места, оставив двоих позади. Андрей обернулся. Они стояли посреди дороги, смотрели вслед. Высокий что-то говорил в рацию. Значит, у них есть связь. Значит, погоня будет.

— Держись, — сказала Марина. — Сейчас будет поворот.

Она свернула в узкий переулок. Машину занесло, но она выровняла. Андрей вцепился в ручку двери. Сердце колотилось где-то в горле. Он чувствовал, как адреналин разгоняет кровь, как руки трясутся, как в голове шумит. Он только что напал на двух вооружённых людей. Он, человек без памяти, без прошлого, без имени. Он сделал это. И он был жив. Пока жив.

— Ты как? — спросила Марина, не отрывая глаз от дороги.

— Не знаю, — ответил он честно. — Я никогда раньше… Я не помню, чтобы делал что-то подобное.

— Ты служил в армии, — сказала она. — Три года. Контракт. Ты был в горячих точках. Ты умеешь драться. Просто не помнишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.